

Мирь Игдроссиль, путь к звёздам , пепел и сталь

Руслан Жук

**Миры Игдроссиль, путь
к звёздам , пепел и сталь**

«Автор»

2026

Жук Р. В.

Миры Игдроссиль, путь к звёздам , пепел и сталь / Р. В. Жук —
«Автор», 2026

Аннотация к циклу «Путь к звёздам» Земля, недалёкое будущее. Человечество выходит в космос, но тьма, что веками пряталась в тени, ждёт своего часа. Глубинное государство, Совет Деградации, слуги Баала — они правили миром, пока горстка людей не сказала: хватит. Капитан Воронов, Хранительница Ирина, штурман Волков и его потерянный друг Денис проходят путь от Луны до пояса астероидов. Китайский адмирал, чей отец погиб за правду, северокорейский лидер, чей народ тысячелетиями ждал свободы, индийские инженеры, строящие корабли к звёздам, — все они встают плечом к плечу с эльфами, драконами, гномами и ИИ, ставшим братом. Машина Памяти ведёт потомков через века — от Великой стены до лунных станций, от японской оккупации до индийских космодромов. Чтобы напомнить: мы одна популяция. Одна планета. И путь к звёздам начинается не в космосе, а в человеческом сердце. Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения случайны.---

© Жук Р. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Руслан Жук

Миры Игдроссиль, путь к звёздам, пепел и сталь

Глава

Книга 6. «Пепел и сталь»

Пролог. «Машина Памяти»

Земля, 2153 год. Сто лет после победы.

Мир изменился. Не до неузнаваемости — до узнаваемости заново. Люди вышли в космос, но не забыли Землю. Эльфы и драконы стали частью Совета, но не растворились в нём. ИИ получили голос, но не перестали учиться у людей.

И всё же в этом мире оставалась одна незаживающая рана. Война, разделившая братьев. Боль, не нашедшая слов. Память, которую пытались стереть, но не смогли.

В Центральном Архиве, в зале, куда не ступала нога человека вот уже пятьдесят лет, стояла Она. Машина Памяти. Последнее творение Странника, переданное людям перед уходом.

— Ты уверена, что это сработает? — спросил молодой человек в форме архивариуса.

Девушка рядом с ним, с глазами, в которых горел тот самый свет, что когда-то был у Ирины, кивнула.

— Он сказал: «Когда придёт время, Машина позовёт тех, кому нужно знать». Сегодня она позвала нас.

— Кого именно?

— Потомков. Тех, чьи предки прошли через огонь. Вороновых, Волковых, Денисовых. И тех, кто когда-то называл себя братьями, а стал врагами.

На экране зажглись имена.

— Их много, — выдохнул архивариус.

— Достаточно, — ответила она. — Чтобы начать.

Машина загудела. Свет вспыхнул ярче солнца. А когда погас, в зале стояли они.

Десять человек. Пять с одной стороны, пять с другой. Русские и украинцы. Потомки тех, кто воевал. И тех, кто ждал.

— Где мы? — спросил первый.

— Там, где правда, — ответила девушка. — Добро пожаловать в прошлое. Вы хотели знать, с чего всё началось? Сейчас увидите.

Машина взревела, и стены архива растаяли, уступая место другому времени.

Конец пролога.

Продолжение следует в главе 1.0.0. «1937-й. Колыбель»

Книга 6. «Пепел и сталь»

Глава 1.0.0. «1937-й. Колыбель»

СССР, Москва, Кремль. 1937 год.

Машина Памяти выплюнула их в самое пекло.

Воронов-младший — праправнук того самого капитана — упал на колени, пытаясь отдышаться. Рядом материализовались остальные. Девять человек, девять судеб, девять родов, разделённых войной, но связанных одной кровью.

— Где мы? — прошептал парень с украинской стороны, чья фамилия значилась в списках как Шевченко.

— Москва, — ответила Аня Воронова. Та самая девушка с глазами, горящими светом Хранителей. — Тысяча девятьсот тридцать седьмой. Год великого террора. И год великого рывка.

Они стояли в коридоре, который пах сыростью и старыми бумагами. Вдоль стен — высокие шкафы, набитые папками. Где-то вдалеке слышались шаги.

— Нас заметят? — спросил кто-то.

— Нет. Машина делает нас невидимыми для людей того времени. Мы здесь как призраки. Можем смотреть, но не можем вмешиваться.

— Тогда зачем мы здесь?

— Чтобы понять, — тихо сказал старик, до этого молча стоявший в углу. Его фамилия была Ким. Потомок того самого Ким Сон Ира, что вывел свой народ из тьмы. — Чтобы увидеть своими глазами, с чего всё начиналось. И что пошло не так.

Шаги приблизились. Дверь распахнулась, и в коридор вошли двое. Один — в военной форме, с усталым, но твёрдым лицом. Второй — штатский, с папкой под мышкой.

— Товарищ Сталин ждёт, — сказал штатский.

Военный кивнул и шагнул в кабинет. Дверь закрылась.

— Туда, — скомандовала Аня. — Быстро.

Они прошли сквозь дверь, не ощутив сопротивления. Машина делала их бесплотными, невесомыми, невидимыми.

Кабинет был большим, но не роскошным. Стол, стулья, портреты на стенах. За столом сидел человек в простом кителе, с усами и трубкой, которую он не зажигал.

Сталин.

Он слушал доклад военного, не перебивая, только изредка кивая. Потом, когда доклад закончился, заговорил тихо, почти задушевно:

— Вы знаете, товарищ, что Америка строит атомную бомбу? Германия тоже. А у нас нет даже нормального танка.

— Мы работаем, товарищ Сталин.

— Мало работаете. Надо больше. Надо быстрее. Через десять лет начнётся война. Самая страшная война в истории. Если мы не успеем, нас сотрут. Если успеем — мы спасём не только себя. Весь мир спасём.

Военный молчал. Сталин встал, подошёл к карте на стене.

— Посмотрите сюда. Украина. Хлеб, уголь, металл. Кавказ. Нефть. Урал. Заводы. Сибирь. Лес, золото, будущее. Это наше. Это всё наше. Мы должны это сохранить. Любой ценой.

— Любой, товарищ Сталин?

— Любой. Пусть нас потом проклинают. Пусть памятники сносят. Пусть имена переписывают. Главное — страна выживет. А страна — это люди. А люди — это память.

Он повернулся к военному.

— Идите. Работайте. И помните: если мы проиграем эту гонку, нас не простят. Никогда. Военный вышел. Сталин остался один, глядя на карту.

— Простите нас, — прошептал он. — За всё простите.

Машина дёрнулась, и время понеслось вперёд.

СССР, Куйбышев, 1941 год. Октябрь.

Они стояли на перроне вокзала, среди мешков с песком и зенитных установок. Мимо шли эшелоны с ранеными. Женщины в шинелях раздавали хлеб и воду.

— Куда мы попали? — спросил Шевченко.

— Война, — ответил Ким. — Самая страшная. Великая Отечественная. Немцы под Москвой.

Из толпы вышел мальчишка. Лет шестнадцати, в застиранной гимнастёрке, с винтовкой за плечом. Он подошёл к женщине, обнял её.

— Мама, я уйду. На фронт. Не плачь.

— Сынок, ты же ещё ребёнок!

— Война детей не спрашивает, сколько им лет. Я должен защищать тебя. Сестру. Дом. Женщина заплакала. Мальчишка отстранился и пошёл к эшелону. У вагона обернулся:

— Я вернусь, мама. Обязательно вернусь. Мы все вернёмся. И будем жить.

Он не вернулся. Они знали это. Потому что видели списки.

Воронова-младшего трясло. Он узнавал черты лица. Этот мальчишка был его прапрадедом. Тем самым, кто не дожил до Победы три дня.

— Я хочу домой, — прошептал он.

— Рано, — ответила Аня. — Смотри.

Эшелон тронулся. Люди в вагонах пели. Песня была старая, грустная, но они пели её так, будто это гимн надежде.

Машина дёрнулась снова.

Германия, Берлин, 1945 год. Май.

Они стояли на развалинах Рейхстага. Кругом — наши и не наши. Русские, украинцы, белорусы, грузины, казахи. Все вместе. Все обнимаются, плачут, смеются.

— Победа! — кричал солдат с закопчённым лицом, размахивая знаменем. — Мы взяли Берлин! Мы победили!

К нему подбежал другой, в такой же гимнастёрке, с перевязанной рукой.

— Слышь, земляк, ты откуда?

— Из-под Полтавы. А ты?

— А я из-под Челябинска. Выходит, мы теперь братья навек?

— Выходит, брат.

Они обнялись, не стесняясь слёз.

Потомки смотрели на это молча.

— Это они, — прошептал Шевченко. — Мои и твои. Вместе. Обнимаются.

— А теперь? — спросил Воронов-младший.

— А теперь молчи, — ответил Ким. — Просто смотри.

Машина дёрнулась в последний раз.

СССР, Киев, 1954 год. Май.

Они стояли на Крещатике, который только начинали восстанавливать после войны. По улице шли люди — улыбающиеся, нарядные, с цветами. Играл оркестр. Гремели фанфары.

— Что это? — спросил кто-то.

— Передача Крыма, — ответила Аня. — Украинской ССР. Тогда это был праздник. Люди радовались, что полуостров стал частью их республики.

— И кто тогда думал, что через шестьдесят лет начнётся война из-за него?

— Никто. Потому что они были братья.

Из толпы вышли двое. Мужчина и женщина, с маленькой девочкой на руках.

— Смотри, доченька, — сказал мужчина. — Это теперь наше. Навсегда.

Девочка хлопала в ладоши.

— Навсегда! Навсегда!

Машина вздрогнула. Свет померк.

Снова Архив. Настоящее время.

Они стояли в том же зале, откуда начали свой путь. Молчали. Смотрели друг на друга.

— Ну? — спросила Аня. — Кто-нибудь понял?

Воронов-младший поднял голову. Глаза у него были мокрые.

— Я понял, — сказал он. — Они были братья. Настоящие братья. Вместе воевали. Вместе строили. Вместе праздновали. А мы... мы стали врагами. Почему?

— Потому что пришли другие, — тихо ответил Ким. — Те, для кого братство — враг. Те, кто умеет делить. Те, кто сеет ложь и пожинает ненависть.

Шевченко шагнул вперёд, протянул руку.

— Я... я не знаю, что сказать. Мой прадед воевал там. С твоим прадедом. Они были братья. Я хочу, чтобы мы тоже... ну, попробовали...

Воронов-младший посмотрел на него. Потом медленно протянул руку в ответ.

— Попробуем.

Рукопожатие было крепким. Настоящим. Таким, каким оно должно быть между братьями, которые наконец-то вспомнили, кто они друг другу.

Машина Памяти тихо гудела в углу, довольная своей работой.

Конец первой главы.

Продолжение следует в главе 2.0.0. «1961-й. Звезда».

Книга 6. «Пепел и сталь»

Глава 2.0.0. «1961-й. Звезда»

Архив. Настоящее время. Несколько минут спустя.

Машина Памяти гудела ровно, убаюкивающе. Десять потомков — пятеро с одной стороны, пятеро с другой — всё ещё держались за руки, не в силах разорвать только что родившуюся связь.

— Ты чувствуешь? — спросил Воронов-младший, глядя на Шевченко.

— Что?

— Тепло. От твоей руки. Как тогда, в сорок первом, когда они обнимались.

Шевченко кивнул. Он чувствовал. Впервые в жизни он чувствовал не вражду, не боль, не ненависть — просто тепло другого человека. Брата.

— Хватит сантиментов, — резко оборвала Аня. — Машина готова к новому прыжку. Следующая остановка — 1961 год. Байконур. Первый человек в космосе.

— Гагарин, — выдохнул кто-то.

— Да. Смотрите и запоминайте.

СССР, Байконур, 12 апреля 1961 года. 9:07 утра.

Они стояли на стартовой площадке, среди инженеров, офицеров и будущих космонавтов. Никто их не видел, никто не чувствовал. Машина делала своё дело.

Ракета «Восток-1» стояла на старте, огромная, величественная, готовая прорвать земное притяжение. К ней шёл человек в скафандре. Невысокий, улыбающийся, с открытым лицом.

Юрий Гагарин.

Он остановился перед руководителем полёта, доложил о готовности. Потом повернулся к провожающим, махнул рукой и сказал те самые слова, которые войдут в историю:

— Поехали!

И шагнул в лифт.

— Он не вернётся? — спросил кто-то из потомков.

— Вернётся, — ответила Аня. — Через 108 минут. Но для истории он останется там навсегда.

Ракета взревела. Пламя ударило в землю, подняв тучи пыли. Огромная конструкция медленно, нехотя, оторвалась от стартового стола и начала подниматься в небо.

— Красиво, — прошептал Шевченко.

— Это не просто красиво, — ответил Ким. — Это — прорыв. Человечество вышло в космос. И сделал это наш человек. Русский.

— Ваш, — тихо поправил Воронов-младший.

— Наш. Общий. Потому что тогда ещё были общие.

Через несколько минут динамик прохрипел голос Гагарина:

— Вижу Землю! Красота-то какая!

Люди на площадке плакали. Обнимались. Кричали «ура!». Никто не спрашивал, кто ты по национальности. Все были просто людьми.

— Вот она, цена победы, — сказал Ким. — Не танки, не самолёты, не бомбы. А этот парень, который сейчас парит над планетой и смотрит на неё с высоты.

Машина дёрнулась.

Москва, Кремль, 14 апреля 1961 года. Встреча героя.

Красная площадь утопала в цветах. Люди заполнили всё пространство до краёв. На трибуне Мавзолея стояли руководители страны. А по брусчатке, улыбаясь во весь рот, шёл он.

Гагарин.

Его несли на руках. Кричали, махали плакатами, плакали от счастья. Машина показала крупным планом лицо парня, стоящего в первом ряду. Обычное лицо, русское, с россыпью веснушек. Он смотрел на Гагарина и, кажется, не верил, что это происходит наяву.

— Узнаёте? — спросила Аня.

Воронов-младший присмотрелся и ахнул.

— Это же... мой прадед!

— Да. Тот самый, который не дожил до Победы три дня. А это его сын. Твой прямой предок. Он стоит здесь, на Красной площади, и смотрит на космонавта номер один.

Шевченко тоже вглядывался в толпу.

— А там, — Аня указала в другой конец площади. — Твой прадед. Смотри.

Молодой парень, очень похожий на Шевченко, стоял с украинским флагом, который тогда ещё был просто флагом республики в составе одной страны. Он тоже кричал, тоже плакал, тоже был счастлив.

— Они могли встретиться, — прошептал Шевченко. — Пройти мимо друг друга. Улыбнуться. Даже не зная, что через шестьдесят лет их внуки будут врагами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.